

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Николай Игнатьевич Матузов

Профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
E-mail: unatascha@yandex.ru

Право и политика: антиподы или союзники? (Окончание*)

Nikolaj Ignat'evich Matuzov

Professor of Theory of State and Law Department of Saratov State Juridical Academy, Doctor of Juridical Science, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

Politics and Law: Antipodes or Confederates?

Исторически власть и право всегда шли рядом, тесно взаимодействуя между собой. Известно, что власть, не ограниченная правом, опасна; право, не обеспеченное властью, бессильно. Указанные начала коррелятивны и взаимообусловлены. Самое нежелательное для права — когда ему не на что опереться, нечем подкрепить свои императивы. А самое nepозволительное для политики — когда она становится неправовой, самоуправной, волюнтаристской.

В идеале право должно иметь приоритет (или даже господство) над политикой, властью, государством. На деле же в России этого пока не происходит и в ближайшей перспективе вряд ли произойдет. В настоящее время в отечественной литературе отмечаются три возможные модели «субординации» между названными феноменами — *тоталитарно-этатистская, либерально-демократическая и прагматическая*. Согласно первой из них государство со всеми его атрибутами выше права и им не связано. Эта модель для новой России не подходит, ибо она есть модель вчерашнего дня. Она уже испытана, результаты известны. Вторая исходит из того, что право выше государства, господствует над ним, связывает и ограничивает его. Эта модель, как уже сказано, выражает идеал, который сегодня недостижим. К нему общество должно стремиться как к конечной цели. Третья модель более реалистична:

* Начало опубликовано в № 4 журнала «Правовая культура» за 2014 год.

государство создает право, но считает себя связанным им, подчиняется ему, т. е. самоограничивается во имя общего блага. Вот этой модели российскому обществу, по-видимому, и следует придерживаться как более предпочтительной по сравнению с другими и практически осуществимой в текущий период.

Задача заключается в том, чтобы «заставить», «принудить» власть уважать и соблюдать собственные законы, которые, в свою очередь, должны быть социально и научно обоснованными, адекватно выражающими насущные потребности людей. Именно в этом направлении необходимо постепенно продвигаться все дальше и дальше по пути к подлинно правовой государственности, когда наступит, как размышляет И. Ю. Козлихин, «правление права»¹.

Взаимосвязь права и политики имеет множество аспектов, как в теоретическом плане, так и в практическом. Причем политикой в разной степени «окрашиваются» и производные от права явления, по существу все элементы правовой системы, которая создается не вопреки политической воле и желанию государственной власти, а в соответствии с ними. В частности, влиянию политики подвержена и вся деятельность правоохранительных органов.

В данном контексте не совсем корректными выглядят постоянные «заклипания» работников юридической сферы (судей, прокуроров, следователей, адвокатов, налоговиков, представителей спецслужб) о том, что они априори «вне политики», «не интересуются политикой», «не играют в политику», «держатся подальше от политики» и т. д. Дистанцирование от политики стало своего рода модой, признаком «хорошего тона». Однако в этих настойчивых заверениях присутствует изрядная доля лукавства, ибо отречение от политики есть тоже политика. Не зря говорят: если вы не будете заниматься политикой, то политика займется вами. Так оно чаще всего и происходит. Указанные госчиновники объективно оказываются вовлеченными в те политические процессы и события, которые происходят в стране.

Стражи порядка, борясь с преступностью, экстремизмом и терроризмом, на деле реализуют государственную политику, претворяют в жизнь те юридические предписания, законы, в которых выражена политическая воля государства. Они — проводники этой воли. Кроме того, они вместе с Вооруженными силами, которые, кстати, тоже нередко объявляют себя вне политики, участвуют в «политических разборках», в «наведении конституционного порядка», в переделе собственности, других силовых акциях.

Если под «неполитизированностью» понимать недопустимость участия работников правоохранительных и судебных органов в митингах и демонстрациях, пикетах и протестах; невозможность членства в политических партиях и движениях; выступления с политическими высказываниями и заявлениями, то это верно. Если же под неучастием в политике подразумевается некая абсолютная отстраненность от политики вообще и государственной политики в частности; нахождение в некоем политическом вакууме, то это неправильно. Служение закону есть служение государству, его политике, интересам народа. Соблазн объявлять себя вне политики велик, но он, как правило, оказывается мнимым.

¹ См.: Козлихин И. Ю. Право и политика. СПб., 1996. С. 10–35.

Власть вне политики — абсурд. Например, Конституционный Суд РФ постоянно декларирует свою «аполитичность». Однако этот важнейший орган — составная часть (ветвь) государственной власти и в качестве таковой олицетворяет и осуществляет ее политику. Иначе и быть не может. Тот факт, что высокие судьи не участвуют в митингах, еще не означает, что они вне политики. Все решения Суда, будучи по своей природе юридическими, неизбежно приобретают также и политическое значение, причем некоторые из них — ярко выраженное.

Лобовое столкновение права и политики произошло в постсоветской России осенью 1993 г. (разгон парламента, расстрел Белого дома, пролитая кровь). Накануне этих событий в прессе усиленно развенчивались такие понятия, как «формальная законность», «конституционность», «юридические гарантии», «правопорядок», «парламентаризм», «депутатство» и даже принципы правового государства, которые тогда кое-кому стали сильно мешать. Правом были объявлены «демократические ценности» и некие абстрактные идеалы свободы и справедливости, т. е., по меткому замечанию П. Сандевуара, «собранием норм “доброй воли”, которые можно соблюдать или игнорировать в соответствии с личным желанием»¹. Вооруженный таким пониманием права, Ельцин и пошел на штурм демократически избранного, законного, но «нехорошего» и непослушного парламента.

В его печально знаменитом Указе от 21 сентября 1993 г. № 1400, который послужил детонатором или спусковым механизмом для всех последующих событий, так прямо и говорилось: «Существуют более высокие ценности, нежели формальное следование противоречивым юридическим нормам, изданным законодательной властью». Этот тезис затем «перекочевал» в первое президентское Послание Федеральному Собранию: «Критерием правовой оценки любого политика, политической организации, любого государственного института должны стать демократические ценности». Как видим, не закон и не право (пусть даже «неписаное»), а вообще неюридический критерий. При таком понимании права невозможно обеспечить даже элементарный правопорядок в обществе. Это была голая, волюнтаристская политика. В разгар «демократуры» все ломалось «через колено». Право в любой его интерпретации терпело фиаско.

Объективная правовая оценка событиям осени 1993 г. была дана «по горячим следам» известными российскими юристами и политологами. Так, В. Н. Кудрявцев писал, что деятельность парламента была прекращена вопреки тексту Конституции. «И здесь сразу возник острый политический вопрос о расхождении закона и права. Можно ли юридически оправдать действия Президента? Новая теория быстро нашла выход: Конституция — это “плохой закон” и есть некое хорошее, подлинное право, которое стоит выше всяких законов. Понятно, что политическая ситуация была тогда экстремальной. ...Но допустимо ли и в такой ситуации ссылаться на “интуитивное”, “высшее”, “идеальное” право, которое никак не выражено и не закреплено нигде,

¹ Сандевуар П. Введение в право : пер. с фр. М., 1994. С. 63.

и противопоставлять его имевшимся законам? Думается, что такие ссылки недопустимы. ...Если сегодня можно отложить в сторону Конституцию, то завтра — Уголовный кодекс»¹.

Аналогичная оценка названным событиям была дана другим авторитетным российским правоведом — Ю. А. Тихомировым: «В период пика конституционного кризиса оправданием Указа № 1400 стали аргументы типа “ответа на юридический произвол”. Появились утверждения, что даже идея правового государства становится опасной, если соблюдается только его формальная сторона. Указ продемонстрировал, какова реальная точка отсчета предпринятых действий — конституционная законность или **политическая целесообразность** (выделено нами. — Н. М.). Была разрушена единая база нормативной общеобязательности. Всем был дан повод игнорировать закон, у граждан формируются мотивы правового нигилизма»².

Известна позиция Конституционного Суда РФ в его прежнем составе — он признал Указ № 1400 *неконституционным* и тем самым попытался отстоять право и закон, их верховенство по отношению к политике. Однако эти попытки не увенчались успехом. Более того, деятельность самого Суда была заблокирована (приостановлена) как якобы излишне политизированная. Он сам оказался жертвой конфликта. Защитникам идей Конституции и парламентаризма сказали: пишите новый закон о Конституционном Суде — этот нам не нравится.

Из нового «хорошего», «неполитического» закона была изъята даже такая безобидная, но крайне полезная, на наш взгляд, норма, согласно которой Конституционный Суд должен был выступать с ежегодным посланием о состоянии законности в стране. Интересно, почему? Кому помешала? Видимо, исполнительной власти. Конституционный Суд лишили также возможности по собственной инициативе ставить вопросы, связанные с грубым нарушением Основного Закона страны, произволом власти, несоблюдением прав человека и т. д.

Такое вот «измерение» права политикой. А ведь по мнению многих аналитиков тех событий, были реальные пути мирного разрешения конфликта. Надо было искать компромисс, идти на переговоры, взаимоуступки, проявлять терпимость, находясь при этом в правовом пространстве. Ибо именно «право указывает людям объективно лучшее поведение»³. Надо было совместить право и политику, согласовать их позиции. Не раз говорилось: нам нужна мудрая законодательная власть, сильная исполнительная и независимая судебная. Общим полем для их взаимодействия призвано выступать право.

Политолог А. Кива в порядке «разбора полетов» писал: «Можно ли было избежать, не допустить событий октября 1993 г.? Безусловно, можно. Но для этого Ельцин должен быть другим. Более гибким, компромиссным,

¹ Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 4–5.

² Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 3–6.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 191.

образованным, менее капризным, тщеславным, более терпимым, патриотичным, да, наверное, и более талантливым». А. Кива характеризует Ельцина как человека без царя в голове (хотя и мнил себя царем. — Н. М.), однолинейного, мало в чем компетентного. Ему позарез не доставало не только экономического, но и социального, исторического, правового знания; он даже не понимал принципов функционирования демократии¹. Зато был маниакально властолюбив. По данному поводу журналисты острили: «У него была одна, но пламенная страсть — это власть». По мнению А. С. Ципко, «российская либеральная интеллигенция использовала Ельцина как таран для пробивания стен аппаратного кремля. Он был нужен ей как средство и не более того»².

Следует сказать, что лидеры политического переворота 1993 г. взяли на вооружение и удачно «обыграли» одну из теоретических конструкций, существующих в юридической науке, а именно — идею о различении права и закона. То, что право и закон — не одно и то же — бесспорная истина. Хотя бы уже потому, что закон есть лишь одна из форм выражения права. Но излишнее противопоставление этих понятий, «доведенное до крайних пределов», на практике нередко приводит, как показано выше, к весьма плачевным последствиям.

Критерии между «правовыми» и «неправовыми» законами весьма зыбки, размыты, что создает неограниченный простор для субъективных выводов. Ведь, как известно, содержание и форма любого явления неразрывны. Опасность противопоставления права и закона в том и заключается, что с помощью этой теории можно оправдать любые противозаконные действия, объявив закон «неправовым». Злоупотребляют не только законами, но и правом, идеями права. В этом смысле может быть не только «неправовой» закон, но и, так сказать, «неправовое» право.

Кто бы мог подумать, что безобидная на первый взгляд концепция об «упречных», «плохих» законах и «непогрешимом», «истинном», «подлинном» праве («демократических ценностях») будет на всю катушку использована в острейшей политической схватке для обоснования одной из конфликтующих сторон своей «правоты». Последствия известны — была пролита кровь.

Выдвинутая как вполне корректная научная идея, она затем постепенно приспособлялась к определенным политическим и идеологическим целям, текущему моменту, трансформировалась в слишком жесткое и неоправданное противостояние права и закона, что объективно дало в руки властвовавших тогда лиц такой желанный и необходимый теоретический козырь.

Искушение пойти против закона стоит очень дорого. Сегодня для всех очевидно, что коллизию надо было разрешать в *рамках права, через право, посредством права*, не противопоставляемого закону, нравственности, справедливости, «демократическим ценностям», Конституции. К этому следует добавить искусство компромисса, диалога, учета интересов страны, поиск общего знаменателя. Получилось же иначе: антиправовые действия совершила сама власть. Право с позором отступило, потерпело сокрушительное поражение.

¹ См.: Кива А. «По ком звонит колокол» // Парламентская газета. 2000. 6 окт.

² Ципко А. С. Большевизм на новый лад // Независимая газета. 2013. 7 окт.

Механизмы снятия любых конфликтов, даже самых острых, должны быть *правовыми, а не силовыми*. Это единственно возможная и продуктивная в наше время правовая политика. Альтернативы ей нет. Жизнь показала: «демократическая целесообразность» ничуть не лучше всякой иной, а действия вне правового поля так же рискованны, как и на минном поле.

Право (и это аксиома) не исключает силового начала, но только в рамках легитимности и соответствующих процедур. «Право, — писал П. И. Новгородцев, — не может быть без силы, которая его поддерживает; но, с другой стороны, и сила не может существовать без права, ее ограничивающего»¹. Власть без права опасна, право без власти бессильно. Это корреляционные понятия. Однако вопрос об их балансе и взаимодействии сложен.

Характерны в этом отношении высказывания нынешнего Председателя Конституционного Суда, относящиеся к 1996 г.: «Россия должна развиваться по праву, т. е. в рамках “флажков”, за которыми следит судья. Иначе с приходом каждого нового правителя — “флажки” прочь, игра смазывается, устанавливаются свои правила по принципу “я так хочу”. Разве общество пойдет за своими вождями, тем более трудной дорогой, если вожди создают для себя иные правила, чем для остальных?»². Подгонка права под политическую ситуацию недопустима и опасна.

Позже В. Д. Зорькин признавался: «От меня требовали “широкого” понимания права, подразумевая под этим признание действий Ельцина соответствующими “духу”, а не букве Конституции». На это глава высшей судебной власти еще в разгар политического кризиса в декабре 1992 г., когда шли пока только словесные баталии между Президентом и руководством Верховного Совета, ответил: «Не умеете эту Конституцию соблюдать, вам и новая не поможет»³. Так оно и произошло. История все расставляет по своим местам.

А недавно В. Д. Зорькин снова заявил: именно этим, т. е. преданностью идеям права «была обоснована моя позиция осенью 1993 г.». При этом он подчеркнул: «Любое общество в конечном счете не может быть синхронизировано никаким высшим принципом, кроме права. Я не вижу никакой великой идеи, которая может заменить собою право, спасая мир от низвержения в бездну»⁴. Наконец, в последней статье председатель Конституционного Суда еще раз напомнил, что «в 1993 г. в угоду наивульгарнейшим клановым интересам был растоптан дух права. И те, кто его растаптывал, цинично рассуждали по поводу правовых форм, утверждая, что это растаптывание осуществляется во имя того, чтобы утвердить новую правовую форму, она же Конституция»⁵.

Тогда возникла ситуация «двойного права» — права, которое «нам нужно», и права, которое «нам чуждо». Коллизия коснулась и самого Конституционного Суда — это не тот суд, который «нам нужен», ибо он слишком активно «занимался политикой». Право и политика находились в глубокой конфронтации,

¹ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1902. С. 12.

² Зорькин В. Д. Жить по праву // Советская Россия. 1996. 15 окт.

³ Цит. по: Вишневский Б. Экс-председатель Конституционного Суда // НГ. 1998. 31 марта.

⁴ Зорькин В. Д. Цивилизация права // Российская газета. 2014. 13 марта.

⁵ Его же. Tabula rasa // Российская газета. 2014. 8 апр.

стояли по разные стороны баррикад, т. е. выступали как антиподы. Причем право, законы явно терпели поражение, побеждали политика и целесообразность. Обо всех перипетиях тех дней подробно рассказано В. Б. Исаковым, который оказался в гуще происходивших событий¹.

Попытки утвердить демократию вне права, законности, нормативного порядка недопустимы и порочны в своей основе, ибо это означает рецидивы необольшевизма или даже просто большевизма. Уже на закате «эры Ельцина» пресса писала: «Временами мятущийся, он [Ельцин] принимал страшные решения, не разбирая грани между президентским долгом, ошибкой и преступлением»². Он шел напролом, как бульдозер, сметая всё на своем пути, к вершинам власти.

У многих в памяти остались державные фразы, которые бывший глава государства, не терпящий никаких возражений, бросал на ходу с металлом в голосе: «Как я сказал, так и будет», «Мне в этой стране судить, что конституционно, а что нет», «Госдума — ноль», «Я не судья, я выше, чем судья», «Я — боец», «Надо двинуть, врезать, дать сдачи», «Не так сидите» и др. Как видим, перед нами *не правовой, а авторитарно-волевой* стиль руководства, одержимость, упоение властью³.

Думается, бывшему российскому лидеру была неведома формула римских юристов: государством должен править закон, закон выше любой должности. Во многом это связано с известными особенностями характера экс-президента (безмерное властолюбие, тщеславие, нетерпимость, импульсивность, непредсказуемость). В определенном смысле после его ухода необходима была срочная «деельцинизация» страны, т. е. установление нормального правового управления государством. Кстати, заметим, что из рук Ельцина отказались в свое время принять награды академик Трофимук, писатели Бондарев и Солженицын, генерал Рохлин.

Может возникнуть вопрос: зачем ворошить прошлое? Это пройденный этап. Ответ прост: затем, чтобы извлечь уроки, не допускать впредь трагических ошибок, кровавой конфронтации, своеволия. Нынешний лидер России, кажется, лишен (по крайней мере, внешне) болезненных амбиций и честолюбия, не конфликтует с парламентом, «зловредными» депутатами. Все почувствовали, что к власти пришел умный, грамотный, образованный, а главное — национально мыслящий человек. Все это, конечно, не означает, что во взаимоотношениях права и политики, различных ветвей власти воцарилась полная идиллия. До гармонии пока еще далеко.

На практике, как уже отмечалось, излишнее отдаление понятий «право» и «закон» друг от друга, искусственный разрыв между ними, возвеличивание одного и умаление другого, как правило, приводят к негативным последствиям, ибо затрагивают интересы различных политических групп, партий,

¹ См.: Исаков В. Б. Госпереворот. М., 1995; см. также: Лучин В. О. «Указное право» в России. М., 1996.

² Федотов М. Ельцин уходит в историю // Известия. 1998. 24 июля.

³ См. об этом подробнее: Валовой Д. В. Ослепленные властью. М., 2002.

властных структур. Что и произошло, повторяем, во время известных событий осени 1993 г. Да и в последующий период «шалых» реформ право и политика нередко резко конфликтовали, не находили общего языка.

Наблюдались попытки политиков использовать некоторые выводы и позиции ученых-правоведов для достижения собственных целей, извлечь из определенных теоретических постулатов свою выгоду в борьбе между собой. Аргументы в пользу более высокой миссии «неписаного» права по сравнению с «писаным», сыгравшие некогда определенную позитивную роль в преодолении наследия Вышинского, сегодня заметно ослабли и в прагматическом плане утратили свою убедительность. Они привели к известным крайностям, преувеличениям. Была нарушена некая мера. Этот перекокс необходимо до конца исправить, т. к. дальнейшее развенчание законов («писаного права») становится все более опасной тенденцией. Подспудно создается некий «негативный образ» закона.

Между тем в нынешних условиях важно не принижение законов, не развенчание их как якобы второстепенных, сплошь «неправовых» и потому необязательных, а настойчивое формирование представлений о них как выразителях и носителях подлинно правовых идей и ценностей, хотя несовершенные или просто неудачные законы, разумеется, могут быть. Нужно не противопоставление естественных прав человека и законов (положительного права), а их органическое сочетание и взаимодействие. Появились работы, которые одним своим названием утверждают эту истину¹.

И. А. Ильин писал: «Основная задача положительного права состоит в том, чтобы принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и, далее, проникнуть в сознание и к воле людей, в качестве авторитетного связующего веления... Положительное право есть целесообразная форма поддержания естественного права»².

Как уже отмечалось, в современных условиях объективно возрастает как роль права, так и роль политики, но политика все же опережает право, поскольку она более активна и динамична, способна определять правовое развитие страны, пути совершенствования самого права, юридической системы, законодательства. Такова особенность политики — она первенствует даже по отношению к экономике. Право же, напротив, «консервативно», постоянно отстает от стремительно меняющихся условий. В то же время оно становится все более востребованным и необходимым.

Однако характер взаимоотношений права и политики сложнее. В реальной жизни они выступают в самых различных сочетаниях и проявлениях, особенно в кризисные, нестабильные моменты. К тому же они тесно переплетаются с другими явлениями, в том числе аномальными, негативными. В чистом виде право и политика никогда не существуют и не функционируют, но чаще

¹ См.: *Шафиров В. М.* Естественное-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.

² *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 58.

все они находятся в состоянии противоречий, «борьбы противоположностей». Российская политико-правовая жизнь претерпела за последние двадцать лет многочисленные метаморфозы. Она не избавилась от них полностью до сих пор.

Например, любопытный сплав законотворчества, политики, лоббизма, коррупции, «подковерной борьбы», хитроумных фракционно-партийных комбинаций можно наблюдать в российской Государственной Думе, которую, к сожалению, никак нельзя назвать храмом права и законности. Особенно поражают циничные «политические торги».

Так, бывший представитель Президента РФ в Госдуме А. Котенков в одной из телепередач откровенно заявил: «Мы прекрасно знаем сильные и слабые стороны каждого депутата и с ним работаем». Иначе говоря, депутатов просто покупали. Шла торговля властью. Переизбрание Ельцина в 1996 г. было обеспечено с помощью немалых денег олигархов и за счет передачи им крупной собственности. Сложился рынок коррупционных сделок на законодательной ниве. Пресса писала и о том, что за голосование против импичмента Ельцину или уклонение от голосования депутатам платили по 30 тысяч долларов¹. Как тут не вспомнить изречение мудрых философов прошлого о принципиальной неотличимости безнравственного государства от банды разбойников.

В России сложились «теневая юстиция», «теневое правосудие», не говоря уже о «теневой экономике» и «теневой политике». Теневые отношения породили также и теневое право². В президентском Послании Федеральному Собранию 2001 г. отмечалось, что «судебная власть в ряде случаев “приватизирована” местными чиновниками или даже криминальными группировками». Право оказалось в сложном положении. Не зря говорят: бизнес, криминал и власть — братья. А еще утверждают, что это горячая смесь.

Принципиальное значение имеет конструктивное взаимодействие права и политики в *экономической сфере*. Однако именно здесь право и политика на протяжении всего периода реформ не могли найти общего языка, а точнее, выступали самыми настоящими *антиподами*. Российская модель вхождения в рынок не имеет аналогов в истории. Это дало А. И. Солженицыну основание заявить: «Россия выкарабкивается из коммунистического болота самым нелепым путем»³.

¹ Подробнее см.: Григорьев М. «Грязная» энциклопедия. Анализ практики российских и зарубежных избирательных кампаний // Советник. 1999. № 10; Тимофеев Л. Н. Институциональная коррупция. М., 2000; Коррупция в органах власти / под ред. П. Н. Панченко и др. Н. Новгород, 2001.

² См.: Скобликова П. В. «Теневая юстиция»: формы проявления и реализации // Российская юстиция. 1998. № 10; Попов Ю. И., Тарасов М. Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства. М., 2005; Исаев И. А. Скрытые аспекты власти. М., 2002; Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.

³ Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 17; см. также: Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1992; Поливанов В. П. Технология великого обмана. М., 1995; Максимов А. А. Бандитизм в белых воротничках: как разворовывали Россию. М., 1999; Шутов А. Д. На руинах великой державы. М., 2004; Богомолов О. Т. «Олигархизм» — специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 2.

Приватизация проводилась не по законам, а по «понятиям», причем криминального свойства. Право было грубо отодвинуто в сторону, оно оказалось бессильным в своем противостоянии волюнтаристской, а следовательно, неправовой политике. Принимались «крутые» решения, без оглядок на право и закон, которые упорно молчали. В результате у нас и сейчас почти половина экономики — мафиозно-теневая, т. е. находящаяся вне правового поля.

Об изложенном предельно откровенно говорится в книге «Приватизация по-русски», одна из глав которой так и называется: «В поисках правового поля». Следовательно, вся эта грандиозная и в прямом смысле слова судьбоносная акция (во всем мире она была охарактеризована как «преступление века») проводилась противоправным, незаконным путем. Реформаторы первой волны не без некоторой доли бравады и цинизма признают: «На финише 1991 г. стихийная приватизация уже бушевала вовсю. И по сути своей она означала разворовывание общенародной собственности. ...Суть спонтанной приватизации, — пишут авторы далее, — можно сформулировать двумя фразами: если ты наглый, смелый, решительный и много чего знаешь — ты получишь все; если ты не очень наглый и не очень смелый — сиди и молчи в тряпочку»¹. Как говорится, комментарии излишни. Правом здесь и не пахло. Его полностью подмяла под себя авантюрная политика шоковой терапии и рыночного «блицкрига».

Политика, политические институты, как правило, имеют правовую институционализацию, т. е. они возникают, существуют, функционируют на основе и в рамках права, правовых идей. Разумная, конструктивная, научно обоснованная политика не может быть антиправовой. В противном случае она рискует оказаться нелегитимной, противоречащей интересам народа, общества. Бытие политики тесно связано с бытием права. Размолвка между ними всегда чревата социальными катаклизмами, о чем свидетельствует вся современная история, в том числе российская.

Взаимодействие права и политики необходимо рассматривать не только на теоретико-методологическом уровне, но и в практически-прикладном плане, т. е. проследить и анализировать конкретные формы проявления указанного взаимодействия в реальной жизни. А эти формы, грани бесконечно разнообразны и вместе с тем своеобразны. Например, в наши дни острейшие коллизии между правом и политикой возникают вокруг так называемых громких уголовных дел, получающих широкий общественный резонанс. Фигуранты этих дел (олигархи, бизнесмены, крупные госчиновники) в один голос заявляют, что возбужденные против них дела — *политически мотивированные* или имеют *политическую подоплеку*. Такого же мнения придерживаются их адвокаты, раздающие направо и налево интервью по этому поводу. Представители же следствия, правосудия, напротив, доказывают, что эти дела сугубо *юридические* и никакого отношения к политике не имеют. Где здесь истина?

Представляется, что она находится, как это часто бывает, где-то посередине, поскольку любое громкое, резонансное дело, будучи по своей природе

¹ Приватизация по-русски / под ред. А. Б. Чубайса. М., 1999. С. 29, 34.

юридическим, неизбежно приобретает также и политическое значение, чаще всего даже помимо воли тех, кто его ведет. Именно так все эти порой поспешные аресты, вызовы, допросы воспринимает общество, граждане, средства массовой информации. Не говоря уже об инспирированных, заказных делах, которые в принципе возможны. Власть может быть также заинтересована в исходе того или иного дела, хотя, как правило, отрицает свой интерес. А это — уже политика. Совершенно очевидно, что власть готова при определенных обстоятельствах использовать юридическую систему для сведения личных счетов со своими оппонентами.

Давление на правоохранительные органы нередко оказывается, и они, к сожалению, поддаются этому давлению. Не зря, например, Генпрокуратуру РФ окрестили в свое время в прессе «творческой организацией» за ее непоследовательность, избирательность и колебания в «соответствии с линией партии» (открытие и закрытие уголовных дел, взятие под стражу и освобождение из-под нее, неоднократные изменения меры пресечения и т. д.). Такая оценка подходит и к Следственному комитету. Все это, кстати, дает определенным силам повод говорить о том, что у нас два правосудия: одно — для угодных, другое — для негодных. Соответственно, и суды выносят правовые и неправовые решения. Между тем давно было подмечено: нацию можно разложить двумя способами — не наказывать виновных и наказывать невиновных. У нас, к сожалению, встречается и то и другое.

Многое во взаимоотношениях права и политики решается «за кадром», в тиши кабинетов, кулуарах и коридорах власти, в ходе «подковерной» борьбы. Это — закулисная теневая политика. Она характерна и для парламентской жизни, когда сталкиваются интересы различных партий, групп, сил, фракций, продвигаются нужные законы. Поэтому некоторые законы, принятые Государственной Думой, являются, как это совершенно очевидно, результатом политического компромисса. Процветает лоббирование. Далеко не все, что происходит в кулуарах Госдумы, выходит на поверхность, становится достоянием гласности.

Законодательный процесс представляет собой по сути дела часть (элемент) *политического процесса*. Оба они протекают, развиваются в едином русле, в рамках общих правил и процедур. В тех законопроектах, которые предлагаются Президентом РФ и Правительством РФ, прямо и непосредственно воплощаются политическая воля государства, его цели и задачи. Но и законы, разрабатываемые и принимаемые самой Думой, также выражают общий политический курс страны, волю народа.

Власть оказывает мощное воздействие на прохождение и даже голосование нужных ей актов. Вокруг наиболее важных законов разворачивается, как уже отмечалось, острая политическая борьба, противостояние. В период правления Ельцина постоянно шла причинившая огромный вред стране война законов и указов, конфронтация законодательной и исполнительной власти. Последствия этой войны ощущаются до сих пор. Это значит, что политика оказывает эффективное влияние на право уже на стадии его формирования. В известном смысле у нас постепенно складывается своего рода «политическое право».

Говоря же о естественном (нормальном) сочетании права и политики, еще раз подчеркнем, что многие законодательные акты имеют не только юридическое, но и очевидное политическое содержание. А такой из них, как Конституция РФ, прямо закрепляет основы государственной политики. Конституция есть не только юридический, но и важнейший политический документ. Да и все правовые нормы, исходящие от государства или им санкционируемые, являются в конечном счете проводниками его воли. В Конституции же право и политика получают свое наиболее концентрированное выражение.

Вместе с тем следует согласиться с мнением, что «в Конституции РФ отношения между политикой и правом установлены неидеально [мягко говоря]: политика часто вступает в противоречие с правом, что порождает коллизии, негативно сказывается на положении в стране»¹. Важна констатация, что право связано с политикой, в том числе той, которая закреплена в Основном Законе государства. Поэтому было бы неправильно, в угоду новомодным веяниям, «отлучать» право от политики. Это другая крайность, в которую не следует впадать, преодолевая старые грехи этатизма. А. И. Экимов справедливо заметил, что в конечном счете «аполитичность» права — это миф. «Не искушенные в политике люди думают, что существует некая чистая правовая истина, независимая от политических интересов»². Право и политика связаны между собой прежде всего через власть.

Другое дело, что право, правосудие, законность, прокурорский надзор не должны приноситься в жертву политике, становиться ее «заложниками». Участие названных институтов в «политических разборках», что сейчас нередко происходит, основательно подрывает их престиж и гуманистическое предназначение. Они не могут служить своекорыстным интересам и амбициям очередных лидеров, партий, групп, выполнять различные социальные заказы. Непоправимой бедой был бы возврат к тому, от чего общество настойчиво стремится уйти — к политическому и идеологическому ангажированию идей права, которые не должны быть подвержены изменчивым политическим ветрам, сиюминутным выгодам. Право не должно быть в «услужении» политиков.

Вопрос о соотношении политики и права непростой. В его трактовке допускались и допускаются различного рода «уклоны», перекосы, конъюнктура. В частности, на протяжении десятилетий право рассматривалось у нас главным образом в утилитарно-прагматическом, «прикладном» ключе — как атрибут, инструмент, орудие, рычаг власти, способ юридического оформления партийно-политических решений, а не как самостоятельная общегуманитарная социальная и культурная ценность. Незыблемым был тезис о примате политики над правом, власти над законом. Культивировались идеи отмирания права.

С одной стороны, право представлялось как «факультет ненужных вещей» (Ю. Домбровский), а с другой — оно на всю мощь использовалось в качестве

¹ *Зиновьев А. В.* Концепция поправок в Конституции России // Правоведение. 2000. № 4. С. 47.

² *Экимов А. И.* Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1994. № 12. С. 10.

средства насилия, принуждения. Эти две ипостаси права мирно уживались в рамках одной юридической системы. Карательная функция соседствовала с «воспитательной». На право одновременно смотрели как на рудимент и помеху и как на очень удобный, «законный» политический инструмент, «дубину» в борьбе с «врагами народа». В период сталинщины процветал и правовой нигилизм, и правовой тоталитаризм. Ведь «красное колесо» репрессий крутилось в юридических формах, разыгрывались показательные «театрализованные процессы» со всеми их атрибутами, скрупулезным соблюдением соответствующих норм и процедур. Громко звучали призывы строго соблюдать «социалистическую законность». В 1927 г. первый пролетарский нарком юстиции Д. И. Курский писал: «Пролетарское право — это по преимуществу система принудительных норм»¹. Такого же мнения придерживался и Вышинский, да и вся юридическая наука того времени.

Общественным сознанием усваивалась мысль о второстепенной и нерешающей роли права. Главное — это экономика, политика, идеология, партийная линия, а не какие-то там правовые ценности, законность. Право чаще всего воспринималось как приказ «начальства», указания политических вождей, предписания сверху. И в редких случаях — как институт, способный эффективно защитить гражданина от произвола, институт, стоящий на страже личности, ее чести, достоинства, безопасности. Тем более право не мыслилось в качестве силы, способной ограничить, «связать», «обуздать» саму власть; идеи правового государства тогда не признавались. Право было до предела политизировано и идеологизировано, все переводилось в классовую плоскость.

Если политика и идеология ставились во главу угла, то право служило лишь неким приложением, довеском, подпоркой; оно было призвано помогать обеспечивать очередную политическую кампанию. В соответствии со злобой дня легко возникали прямо противоположные тенденции и ситуации, когда либо политика мало общего имела с правом, либо право превращалось в голую политику. В стране фактически существовала политическая юстиция, политическое право².

Однако следует признать, что и сегодня политические соображения нередко берут верх над законом и законностью, а правовой нигилизм не только не преодолен, но и принял угрожающие масштабы. Формально провозглашены идеи правового государства, верховенства закона, приоритета прав человека, отвергнут принцип доминирующей роли политики и идеологии, но на деле до торжества права еще далеко. Существует не только правовой, но и государственный, политический и нравственный нигилизм в «одном флаконе».

Ощущается острый дефицит юридической культуры, низкий уровень правосознания. По-прежнему в большей степени политика влияет на право, чем право на политику. Между тем в идеале, как уже отмечалось, они призваны естественно, гармонично взаимодействовать, а не противостоять друг другу как антиподы. Политика должна быть правовой, а право — способствовать проведению разумной государственной политики.

¹ Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1927. С. 67.

² См. подробнее: Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

Право призвано играть роль эффективного стабилизатора политической жизни, выражать и защищать справедливость, служить преградой на пути волюнтаристских поползновений лидеров и чиновников всех рангов. Важно отрешиться от неправового мышления, научиться уважать право, закон, порядок. Древние римляне называли право искусством добра и справедливости. Это действительно так. И важно умело использовать те возможности и нравственный потенциал, которые заложены в данном институте, использовать не в качестве средства борьбы, а как средство политического компромисса, согласия, взаимопонимания. Именно правовые процедуры и механизмы должны быть задействованы для нахождения разумного консенсуса, путей мирного разрешения возникающих конфликтов. В основе права лежит мораль с ее учением о добре и зле¹.

Цель права — «установить совместную жизнь людей таким образом, чтобы на столкновение, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось как можно меньше душевных сил»². Другой представитель русской юридической мысли — В. С. Соловьев определял право как «принудительное требование осуществления добра или порядка, не допускающего известного проявления зла»³. Иными словами, право это мощная преграда на пути зла и в то же время проводник и заступник добра, всего лучшего в человеке.

Таким образом, при нормальном положении вещей право и политика вполне могут выступать как *союзники*, тесно взаимодействовать между собой, «сотрудничать», помогать друг другу в достижении общих целей. Это возможно в том случае, если политика находится и развивается в правовом русле, осуществляется правовыми средствами. Иными словами, можно говорить не только о праве в *политическом измерении*, но и о политике в *правовом измерении*. Право и политика должны развиваться в едином русле, идти рука об руку.

Должны... Но проблема заключается в том, что государство и право не выражают (не могут сегодня выразить) в полной мере волю, интересы, потребности, ожидания общества. Более того, нередко политические решения и правовые акты власть принимает вопреки указанным настроениям, ее действия, поступки, меры идут вразрез с потребностями гражданского общества, его принципами. Поэтому тезис, согласно которому право якобы выражает государственную волю всего общества, некорректен. Очень многие слои населения не удовлетворены законами и политикой своей страны.

Пристайный библиографический список

1. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации / Н. С. Бондарь. — М. : Юстицинформ, 2005. — 590 с.

¹ См. подробнее: *Цыбулевская О. И.* Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004.

² *Ильин И. А.* Порядок или беспорядок? М., 1917. С. 24. См. также: *Цыбулевская О. И.* Мораль. Право. Власть. Саратов, 2004.

³ *Соловьев В. С.* Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899. С. 36.

2. Матузов, Н. И. Возможность и действительность в российской правовой системе / Н. И. Матузов, Н. В. Ушанова. — Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. — 392 с.

3. Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. — Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. — 528 с.

4. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. — Спб. : Юридический центр Пресс, 2007. — 950 с.

5. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. — М. : Юрид. лит., 2005. — 576 с.

References

1. Bondar', N. S. Vlast' i svoboda na vesah konstitucionnogo pravosudija: Zashhita prav cheloveka Konstitucionnym Sudom Rossijskoj Federacii [Power And Freedom In The Balance Of Constitutional Justice: Protection Of Rights Of A Human In Constitutional Court Of The Russian Federation] / N. S. Bondar'. — М. : Justicinform, 2005. — 590 p.

2. Hachaturov, R. L. Obshhaja teorija juridicheskoy otvetstvennosti [Common Study Of Juridical Responsibility] / R. L. Hachaturov, D. A. Lipinskij. — Spb. : Juridicheskij centr Press, 2007. — 950 p.

3. Jebzeev, B. S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii [Man, Nation, State In Constutuonal System Od The Russian Federation] / B. S. Jebzeev. — М. : Jurid. lit., 2005. — 576 p.

4. Matuzov, N. I. Vozmozhnost' i dejstvitel'nost' v rossijskoj pravovoj sisteme [Possibilities And Reality In Legal System Of The Russia] / N. I. Matuzov, N. V. Ushanova. — Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava», 2010. — 392 p.

5. Publichnaja vlast': problemy realizacii i otvetstvennosti [Public Authority: Problems Of Realization And Responsibility] / under the editorship of N. I. Matuzov O. I. Cybulevskaya. — Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava», 2011. — 528 p.